

Анатолий Долженков

Кабанчик

Юмористическая проза

Анатолий Долженков

Кабанчик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18514780

ISBN 9785447475093

Аннотация

Повесть «Кабанчик» – воспоминания о давно прошедших студенческих годах – во многом автобиографична. Три студента медицинского института, направленные осенью на сельхозработы, вызвались кастрировать кабанчика по просьбе одной из жительниц села. Отсутствие навыков и опыта в таком интимном деле приводят к большим проблемам в отношениях с селянами. Студенты, взявшиеся не за свое дело, попадают в различные трагикомические ситуации. Каким образом они из этих ситуаций выходят – сюжет этой книги.

Содержание

Часть 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Кабанчик

Юмористическая проза

Анатолий Долженков

© Анатолий Долженков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Прошел слух, что колхозы будто бы отменили. Вот это новость. Всем новостям новость. Колхозы, значит, решили запретить, а землю назад крестьянам вернуть в вечное пользование, но до очередных реформ. Нашли дураков. Кто же её возьмёт-то после стольких лет совместного владения? Разве мог кто-либо предположить, проживая в эпоху развитого социализма, что назад её отдадут земельку эту. Никто. А если она была общая и ни кому конкретно не принадлежала, какая была нужда с нею особо валандаться. Справедливости ради следует сказать, что никто, собственно, с нею и не церемонился. Обходились, как с нелюбимой тещей – грубо, без особой надежды на взаимные отношения в перспективе.

Да, думается мне, что сегодня с желающими получить наделы возникнут большие трудности. Впрочем, не всех такой поворот событий огорчил и расстроил. Некоторые поросшие мхом старухи, поначалу, искренне порадовались такому известию. Стали вспоминать, какие прежде бывали изумительные времена. До принудительной коллективизации. Сколько тогда зерна убиралось, сколько мяса и сухофруктов заготавливалось впрок. Ешь, не хочу. Самим хватало с избытком, да еще на право – лево торговали без ограничения. Вообще-то, если их послушать, жизнь в те времена была распрекрасная, а местами даже удивительная. Текла ровно и гладко. А ре-

волюции и гражданские войны, выходит это так, от скуки. От постоянного желания перемен в жизни. Каких перемен, значения не имело. Было бы побольше шума да беготни. И, мол, теперь будет так же великолепно, и, возможно, даже еще лучше, поскольку за годы советской власти некоторым силовым структурам удалось поднять сознательность масс на недостижимую высоту.

А я, что-то сомневаюсь. Что-то у меня в голове не укладывается, как это дело развиваться будет и, что из всей этой канители образуется. Во-первых, как мне представляется, отдать землю крестьянам никак не получится на данном историческом отрезке времени, поскольку нет их, крестьян этих. До семнадцатого года были, не спорю. А теперь нет. Днем с огнем не сыщешь. Колхозники имеются в наличии. И людей с колхозной идеологией сколько угодно. Даже больше чем надо для земледелия и прочего животноводства. А крестьян нет. Совет народных комиссаров ликвидировал их на заре века как класс своим революционным указом. Одним росчерком пера ликвидировал, без пощады и снисхождения. Мол, доводим до вашего сведения, что крестьянство ликвидировано и приказываем на его обломках шустро развернуть колхозное строительство. Так, не особенно напрягаясь и не мудрствуя, превратили крестьян в колхозников, а сомневающуюся оппозицию – в покойников. И под лозунгом: «Все вокруг колхозное – все вокруг мое», тихо, без лишнего шума и вредной полемики закрыли эту кис-

люю проблему. Ну не совсем конечно, что бы так уж и тихо. Некоторые несознательные элементы кулацкого происхождения, побузили маленько кое-где. Жаль им, видите ли, было с частной собственностью расставаться. Всего-то дел. Было бы из-за чего шум поднимать. Но аргументы новой власти были настолько убедительными и доходчивыми, что стрельбы по этому вопросу почти не было. Разве что в некоторых идейно отсталых районах. В глубинке да, случались небольшие заварушки и прения иногда переходящие в разборки с местной властью, но исключительно из-за того, что ветер перемен отдалённые районы не так шустро освежал, как те, что располагались ближе к центру. Правда и в центре бывало, возникали небольшие недоразумения. Были сомнения и огорчения по поводу столь непредсказуемого поворота событий у основной массы бывших крестьян – будущих колхозников. Не без того, расстраивался народ поначалу. Сами знаете, как оно с непривычки жизненный уклад менять. Но вскоре, быстро освоившись с ситуацией люди стали понемногу успокаиваться и с интересом присматриваться к новой жизни. Со временем выяснилось, что всё складывалось не так уж и плохо, как казалось вначале. Можно, оказывается, приспособиться. И пошло поехало. Пристраивались, кто, как и куда мог, а с течением времени люди всей душой полюбили эти новшества и порядки. Днём все дружно трудились на колхозных полях и фермах, а вечером, под покровом темноты, тащили кто сколько мог, исключительно для под-

держания личного приусадебного хозяйства. Всё-таки, какая ни какая, а частная собственность. Своя родненькая. Как ни крути и сколько народ не перевоспитывай, а своя рубашка, всегда ближе к телу, чем колхозная спецодежда. Нет слов, лучшим маякам колхозного строительства – председателям и агрономам материальных льгот доставалось несоизмеримо больше, чем рядовому составу. Но никто не жаловался и не скулил. Хватало всем. И через такой вот симбиоз своего и общественного случилось полное понимание перевоспитанным народом преимущества колхозного строя перед мелкими крестьянскими хозяйствами. И не одно поколение на этом понимании выросло, окрепло духом и обросло социалистическим жирком.

А теперь здравствуйте – пожалуйста. Мочало начинай сначала. Все взад поворачивается. Возвращается на круги своя. Снова указ и получи назад свою землю. И нет больше колхозного крестьянства, то же в соответствии с указом. Указом создали, указом ликвидировали. Теперь вновь каждый сам за себя, как это уже было много лет тому назад. А наш народ от этого отвык. Когда столько лет наряду с миллионами таких же, как и ты сам, считаешь себя хозяином огромной страны и всего что в ней находится, разучиваешься отвечать за что-то конкретное. Нам, переориентированным под социализм, надо что бы, кто-то отдавал приказы и вносил ясность. Куда кому идти и что кому делать. А как же! Семьдесят с лишним лет это коллективное мыш-

ление развивали, а теперь на тебе, самостоятельность ввели с бухты-барухты. Переходи на собственные харчи, которые ещё и заработать-то надо неизвестно как. Да ещё большой вопрос завис в воздухе – через очередные семьдесят лет не осудят ли потомки эти начинания снова, по второму кругу. Не придёт ли кому в голову, что при социализме-то большинству жилось посытнее и безопаснее. И что тогда? Давай опять отнимать и делить? Как показывает наш печальный исторический опыт, очень даже запросто такое повториться может с нашим-то счастьем.

Конечно, некоторые горячие головы услышав что в моде вновь деление общих гектаров колхозной земли на количество этих самых колхозников, сразу же бросились свой пай осматривать и измерять поверхность земли несмелыми шагами. Но потом, как-то сразу угомонились, сникли и даже слегка взгрустнули. Пошли долгие размышления и рассуждения, что же с нею, землёй этой делать-то. Беспокойство и сомнения нарастали как снежный ком. Земля, конечно, имеется, даже пощупать можно. И бумага на эту землю красиво оформлена и печати в нужном месте расставлены. К тому же, живности на ней и в ней навалом – те же кроты, саранча и другие свекловичные долгоносики в ассортименте. Они всегда стояли в оппозиции к любому урожаю, и коллективному, и личному. Все это имело место быть. Но это, пожалуй, и все. Остального нет и, как бы, не предвиделось. На всех не хватило. С техникой и семенами дела обстояли

намного хуже.

Прежде в технике и особой нужды-то не было. При колхозном строе всякую хитрую технику заменяли десанты, присланные из города. Рабочие, служащие, студенты, брошенные на борьбу с урожаем, очень неплохо справлялись с этим делом. Брли количеством и молодым комсомольским задором. А нынче студента в личное хозяйство не заго-нишь и палкой. Ни физика, ни филолога, ни, какого-нибудь будущего бухгалтера или экономиста в перспективе. Пропал задор вместе с комсомольской организацией, которая, собственно говоря, его, этот задор, и поддерживала.

Вспоминаю когда в далёкие семидесятые, декан факультета собирал нас, студентов в первый месяц осени и интересовался, знакомы ли мы с последними постановлениями партии и правительства, это означало одно из двух – либо принудительная отправка в стройотряд, либо десант на колхозные поля. Директив в те времена принималось огромное множество по самым различным вопросам. Если, к примеру, партия решала в кратчайшие сроки стереть грани между городом и деревней, а заодно, что бы два раза не напрягаться – между трудом умственным и физическим – значит на поля. Это было ясно и ненужных сомнений не вызывало. В те времена над вопросами «куда ехать?» и «зачем и кому это надо?», задумывались крайне редко. Любопытство, мягко говоря, не поощрялось, а даже совсем наоборот, осуждалось, в связи с чем, массовость выезда горожан в село впечатляла.

За месяц пребывания студентов в колхозе грань между городом и деревней стиралась до такой степени, что ее почти не было заметно, если судить по внешнему облику студентов. Закутанные в ватники, небритые и пахнущие ароматным самогоном местного производства, они мало, чем напоминали ростки интеллигенции, призванной учиться, учиться и учиться. Хуже обстояло дело со сближением двух трудов. Здесь имелись серьёзные проблемы, несмотря на идеологически выверенный подход. Он, подход этот, был прост, но эффективен. За каждым бесхозным косяком студентов, на время принудительного пребывания в колхозе в обязательном порядке закреплялась боевая звеньевая из местных передовых землеробов. Она коротко, но весьма доходчиво, буквально в трех словах два из которых были нецензурными, проясняла этим мало приспособленным к земельным работам существам саму суть наставничества. А поскольку краткость, как известно, сестра таланта, понимание важности проблемы приходило сразу. Понятна была и причина ее материнской заботы. Все объяснялось очень просто. Студент стоматолог, например, мог в любое время дня и ночи рассказать сколько и каких зубов обязано произрастать у человека во рту, что бы тот без стеснения мог открывать его в общественных местах или как необходимо успешно бороться с кариесом, если у вас половина зубов выпала, а остальные шатаются как пьяные. Но при этом он абсолютно затруднялся отличать дыню от тыквы. Математик легким движением кисти

мог начертить несколько десятков формул и более или менее толково объяснить, что он этим имел в виду. Но эта же самая кисть, так успешно владеющая ручкой и карандашом, категорически отказывалась удерживать тяпку или лопату в нужном для сельхозработ положении, что приводило не только к уничтожению культурных растений и снижению урожайности, но и к опасности травмирования живых организмов, страдающих от непосильного труда на соседних грядках. Остальные выглядели не лучше. Бдения в студенческих аудиториях и в тиши публичных библиотек не требовали отдачи такого количества энергии, как, например, прополка на колхозном поле. Рядок всходов кукурузы длинный и нудный, как песня киргиза, притуплял интеллект и нагонял коллективную тоску, самую опасную из всех известных. Необходим был могучий стимул, для удержания этой разношерстной публики в пределах колхозного поля. И такой стимул был. Все прекрасно понимали, что если партия уже сказала надо, а комсомол быстро не ответил – есть, то возможны большие неприятности для комсомольцев. Возражать, почему-то, не хотелось. Да никто, собственно, и не возражал.

Много лет назад будучи студентом рядового медицинского вуза большой страны, которую уже не найти ни на одной карте мира, мне пришлось принять участие в таком десанте. События, о которых я хочу рассказать, разворачивались в одном из многочисленных степных колхозов Украины. Около пятидесяти человек студентов – медиков в самый

разгар уборочной страды были брошены на борьбу с кормовой свеклой. После первых дней неудачных боев наступило время переосмысления общей концепции битвы за урожай. Возникла необходимость в переоценке позиций на свекольном фронте и, наконец-то, как-то само по себе пришло понимание неравенства условий сражения. Свекла уродила отменная, в земле сидела прочно и весила не на много меньше студента в полной экипировке. Поэтому дело двигалось с переменным успехом и конца – края ему видно не было. Утром в одно и то же время к общежитию подлетал старый разбитый грузовик, кое-как приспособленный для перевозки живых людей. За рулем, цепко держась за баранку дабы не выпасть из кабины, восседал лихой парнишка, постоянно находящийся в состоянии блаженного похмелья. Автоинспектора в здешних краях никто никогда живьём не видел, в связи, с чем непуганые работники руля и колеса по количеству выпитого спиртного успешно конкурировали с пешеходами, уже к обеду затруднявшимися переходить на противоположную сторону единственной в селе улицы. Пили с утра до вечера в выходные дни и в рабочие, сильно себя в крепких напитках не ограничивая. Студенты с опаской грузились в транспорт, недовольно ворча, что с утра можно было и не пить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.